

Jarosław Wierzbński

СВОЕОБРАЗИЕ ПАРАДИГМЫ С ДОМИНАНТОЙ ХОРОШИЙ-ПЛОХОЙ¹

(на материале произведений А. П. Чехова
и словарей русского языка)

Повышение эффективности речевой деятельности существенно зависит от использования выразительно-изобразительных средств, а антонимы, как и синонимы - важнейшие компоненты многообразных структур, несущих часто основную экспрессивно-эмоциональную нагрузку текста. Язык произведений Чехова, великого стилиста, весьма своеобразный в этом отношении, что можно показать на примере антонимической парадигмы с доминантой хороший-плохой, в которой лексема хороший вступает в антонимические контакты со следующими лексическими единицами: плохой, дурной, худой, нехороший, безобразный, отератительный, противный, гадкий, мерзкий, злой, распутный, образуя, таким образом, 11 антонимических пар (АП)². Многие слова в парадигме, вследствие своей многозначности, антонимизируются в ряде значений. В творчестве Чехова данные антонимы определяют преимущественно моральные свойства, качества человека.

Представляет интерес сравнение объема чеховских антонимических оппозиций с теми, которые отражены в антонимических словарях

¹ Под "доминантой" здесь понимается наиболее общее по своему значению, наиболее продуктивное, общепотребительное и стилистически немаркированное противопоставление.

Термин "парадигма" употребляется для обозначения отношений противоположности между лексемами внутри оценочной группы слов, которую возглавляет приведенная доминанта. Ср. использование данного термина в: Д. Н. Ш м е л е в, Очерки по семасиологии русского языка, Москва 1964, с. 81. См. также: Н. Т. С в и с т у н о в, К понятию антонимической парадигмы (На материале глагола), [в:] Семантика и формы языковых явлений, Ленинград 1978.

² Приведенная парадигма составлена нами на основе антонимических контекстов, извлеченных из сочинений по изданию: А. П. Ч е х о в, Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения в 18-ти т., Москва 1974-1982. По данному изданию приводятся в дальнейшем иллюстрации-цитаты с указанием на том и страницу. Выделение антонимов во всех цитатах наше.

русского языка: САВ, САК и САЛ³. Антонимические образования хороший-гадкий/мерзкий/противный/отвратительный/распутный/безобразный/злой не приводятся ни в одном словаре антонимов⁴. Эти оппозиции не функционируют на уровне системы языка, они не воспроизводятся как готовые АП и в художественной речи писателя являются одно-разовыми образованиями. В отличие от таких противопоставлений, остальные АП в чеховской парадигме, т.е. хороший-плохой/дурной/худой/нехороший, отличаются более или менее регулярной встречаемостью в антонимических контекстах, что, возможно, определяет их языковой статус, хотя не все из них следует считать равноправными антонимами с точки зрения современного употребления.

Из комплекса критериев антонимичности лексических единиц (лексико-семантических, грамматических, функциональных) исследователи включают регулярную воспроизводимость антонимов в речи в число важных и обязательных показателей⁵. Регулярная реализация в речи (в антонимическом контексте) всегда может быть несомненным и объективным свидетельством антонимических отношений в языке.

В этом смысле интересно рассмотреть АП хороший-плохой и хороший-дурной, которые в чеховской парадигме образуют центральную область противопоставлений. В количественном отношении эти пары используются писателем как равноценные: первая - 21 раз, вторая же - в 20-ти контекстах. С современной точки зрения данные пары могут оцениваться иначе, причем основанием их характеристики является функциональный аспект: если пара хороший-плохой входит в активный запас антонимов языка и употребляется как стилистически нейтральная в различных стилях речи, то синонимичная ей пара хороший-дурной употребляется реже и является стилистически маркированной.

Выскажем предварительно мысль о том, что многие антонимы могли по-другому восприниматься писателями прошлого столетия, по сравнению с тем как они воспринимаются сейчас. Такой аспект антонимии еще не был предметом специального анализа в лингвистической литературе. Отсутствуют также исследования посвященные комплексно-

³ Сокращения названий данных словарей и дальше других словарей см. в конце статьи. Ссылки на многотомные словари даются с указанием тома и страницы (столбца).

⁴ Связи по противоположности для лексики хороший наиболее полно отражены в САВ, где она антонимизируется с плохой, нехороший, скверный, дурной, худой.

⁵ См., напр.: В. Н. Комиссаров, Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семиологии), "Вопросы языкознания" 1957, № 2, с. 54 и след.; Л. А. Новиков, Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике), Москва 1973, с. 95, 127.

му изучению тематического разряда антонимов в языке того или иного писателя⁶.

Наша задача сводится к определению особенностей и характера противопоставлений в чеховской парадигме с доминантой хороший-плохой с учетом временного аспекта антонимии. Выбор парадигмы для анализа предопределяется ее смысловой емкостью, многообразием составляющих ее оппозиций, вследствие чего такая парадигма оказывается наиболее интересной с точки зрения индивидуальных черт ее членов.

Различия противопоставлений в парадигме касаются многих сторон. Обращает на себя внимание неравномерная лексическая сочетаемость слов в парадигме. Одни из них (хороший, плохой, дурной, нехороший) способны сочетаться с тематически широким кругом существительных-обозначений предметов, явлений, субъектов, другие (гадкий мерзкий, отбратительный, злой...) - с существительными более узкого круга, что в обоих случаях обусловлено семантикой самих слов. Слово плохой, как и его антоним хороший, потенциально заключает в себе несравненно большее число оценочных реализаций, нежели слово злой, которое обозначает определенные свойства человека, животных, явлений природы и имеет соответственно ограниченную сочетаемость. Пара хороший-злой в языковом отношении образует оппозицию широкая/узкая сочетаемость, тогда как пара хороший-плохой, или хороший-дурной, не образует такой оппозиции (ее члены обладают широкой сочетаемостью). Сочетаемостные возможности слов существенным образом влияют на их способность образовывать АП⁷ и с этой точки зрения рассматриваемые противопоставления не являются равноправными. К тому же, в АП имеются слова, называющие как общеоценочные, так и более определенные и конкретные свойства.

Таковыми различиями в семантике слов, безусловно, детермини-

⁶ Внимание исследователей привлекали лишь отдельные антонимические оппозиции в пределах одного или нескольких произведений. См., напр.: В. И. Акимова. Конструкции с узвальными антонимами в публицистике Н. П. Огарева, [в:] Вопросы языкознания и литературоведения, Алма-Ата 1977; М. К. Давыдова. Антонимы как художественно-выразительные средства в романе М. Шолохова "Поднятая целина", [в:] "Ученые записки Хабаровского педагогического института" 1970, Серия русского языка, т. 29; В. А. Иванова. Стилистические функции антонимов в романе А. А. Фадеева «Молодая гвардия», "Русский язык в школе" 1962, 3; Е. Ф. Мишина. О некоторых антонимических противопоставлениях в раннем творчестве М. Горького, [в:] "Ученые записки Горьковского педагогического института" 1968, вып. 110; А. Нарутдинов, Стилистические особенности антонимов в пьесах А. Н. Островского, [в:] "Межвузовский сборник научных трудов. Ташкентский университет 1979, № 596.

⁷ Различные аспекты сочетаемости антонимов представлены в: Л. А. Введенская. Сочетаемость антонимов в русском языке, [в:] "Ученые записки Курс-

рутся их антонимические связи, что сказывается на воспроизводимости самих антонимов. Ср. в этом плане антонимы хороший-плохой/дурной, которые в произведениях Чехова представляют собой наиболее универсальные противопоставления.

Для целей предпринятого нами анализа важнейшими оказываются другие характеристики противопоставлений в парадигме. В языковом отношении вторые члены рассматриваемых антонимов не образуют единого синонимического ряда (СР). В СС эти слова даны в разных СР⁸, причем многие из них по своим значениям входят одновременно в несколько СР⁹. Однако то, что лексемы из правой части парадигмы помещены в определенные ряды синонимов не означает их семантического разрыва, о чем свидетельствуют соответствующие пометы в словаре. Ср.: в СС после описания синонимичных лексем плохой, нехороший, дурной, худой и др. дается ссылка на словарную статью, возглавляемую прилагательным гадкий, синонимами которого являются мерзкий, отвратительный и др., что говорит о семантической близости данных рядов (2, 150-151; 1, 220).

Анализируемые оппозиции в чеховской парадигме имеют следующую особенность: их вторые члены объединяются тем, что содержат неодобрительную оценку чего- и/или кого-либо (достойный порицания). Эта оценка в данных лексемах входит в число компонентов значения, является их неперменным и основным семантическим признаком. Однако, такая оценка, совпадающая с денотативным компонентом значения имеет в лексемах различный, градационный характер: от выражения мягкого неодобрения до резкой отрицательной оценки.

О слове нехороший на фоне синонимичных ему единиц плохой, дурной, худой и др. в СС говорится, что оно "указывает на меньшую категоричность отрицательной оценки, употр. преимущ. для характеристики моральных качеств людей, их поступков, отношений и т.д." (2, 150). Слово мерзкий в данном словаре получило характеристику, которая следует после описания синонимичных единиц гадкий, скверный: "Гадкий, скверный - совершающий или способный совершить грязный, бесчестный поступок, слово мерзкий выражает то же значение в более сильной степени и с резкой отрицательной оценкой" (1, 221). Слово распутный в СС рассматривается по сравне-

кого педагогического института" 1970, т. 72, вып. 3. См. также ее теоретические положения о сочетаемости антонимов, изложенные во вводной статье к САВ, с. 15 и след.

⁸ Кроме слова безобразный, которое не образует и не входит ни в один СР, и кроме слова противный, образующего синонимические объединения только в омонимичном значении (2, 305).

⁹ См. ряды в СС: (1, 220-221), (1, 402-403), (2, 150). (2, 336).

нию с доминантным синонимом развратный как единица с "усилительным значением" (2, 336).

О степени категоричности отрицательной оценки в лексемах рассматриваемой парадигмы можно судить и по данным в толковых словарях. Ср. некоторые определения, которые приводятся в МАС:

Нехороший. 1. Не имеющий хороших качеств; плохой, дурной. [...] 2. Не обладающий положительными моральными качествами; ведущий себя недостойно. [...] (2, 492).

Плохой. 1. Обладающий отрицательными качествами или свойствами; [...] 2. Не отвечающий требованиям морали, вызывающий порицание, осуждение; дурной. [...] (3, 145).

Дурной. 1. Плохой, скверный по качеству, вызывающий самую отрицательную оценку (о предметах, явлениях). [...] 2. Плохой, скверный в моральном отношении, предосудительный, безнравственный. [...] (1, 454).

Мерзкий. 1. Вызывающий отвращение; гадкий. 2. Очень плохой, крайне неприятный (2, 253).

Гадкий. Вызывающий отвращение; противный, мерзкий. || Очень плохой, дурной (1, 296).

Противный. Очень неприятный, отвратительный (3, 533).

Способность слов передавать различную степень отрицательной оценки существенным образом влияет на характер противопоставлений с точки зрения их экспрессивности. Если лексемы в парах хороший-плохой/нехороший в отношении экспрессивности нейтральны, то вторые члены пар хороший-мерзкий/гадкий/противный/отвратительный/распутный/безобразный, выражая более или менее сильную степень отрицательной оценки и будучи, следовательно, экспрессивны, создают экспрессивность АП. Такую усилительную экспрессивность¹⁰ антонимов следует отличать от экспрессивности приобретаемой вследствие стилистической маркированности в парах хороший-дурной/худой, или за счет контаминации языковых антонимов, о чем свидетельствует оппозиция хороший-злой.

¹⁰ О данном типе экспрессии в семантике слова см.: И. В. А р н о л ь д, *Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования)*, изд. второе перераб., Ленинград 1981, с. 112. В указ. монографии рассматриваются как экспрессивные, так и другие компоненты значения. Соотношение этих компонентов в семантической структуре слова рассматривают многие авторы. Ср., напр.: Л. Г. Б а р л а с, *Об соотношении стилистической окраски и эмоциональных оттенков слова к его лексическому значению*, [в:] *Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка*, Ростов-на-Дону 1968; М. И. С и д о р е н к о, *Антонимия и экспрессивно-стилистическая принадлежность слов*, [в:] *Слово в лексико-семантической системе языка*, Ленинград 1972; В. К. Х а р ч е н к о, *Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова*, "Русский язык в школе" 1976, № 3.

При анализе пары хороший-злой необходимо учитывать тот факт, что ее члены в узуальном употреблении антонимизируются иначе. Наибольшей способностью противопоставляться со словом злой обладает слово добрый¹¹ (ср. словари антонимов). В СС слово добрый возглавляет СР "добрый, добросердечный, сердечный, душевный"; к словам ряда указан антоним злой (1, 288-289). Слова приведенного СР характеризуют человека не столько в плане моральных свойств, качеств вообще, сколько с точки зрения его характера, отношения к окружающим. Антонимы добрый-злой образуют более определенное по содержанию противопоставление, чем пара хороший-плохой. Оценочная разноплановость этих пар самоочевидна: если в паре хороший-плохой характер оценки обобщающий, то в паре добрый-злой он более конкретный. Эти особенности дифференцируют оппозицию хороший-злой, которая по своему составу восходит именно к проведенным выше словарным антонимам.

Для разъяснения природы антонимов с точки зрения их экспрессивности целесообразно привести некоторые реализации в произведениях Чехова: "Значит, ты уличен в трех нехороших поступках: куришь, берешь со стола чужой табак и лжешь. [...] Прежде ты был хорошим мальчиком, но теперь, я вижу, испортился и стал плохим" (6, 99); "Я гадкая, противная, нехорошая... - Вы добрый, хороший... Я люблю больше всего на свете деньги, наряды, коляски... Я умираю, когда думаю, что у меня нет денег... Я мерзкая, эгоистка..." (1, 237); "- Да, наш Саша хороший человек, - сказал Борис. - Великолепнейший! Все вы у меня золото: и ты, и Гриша, и Саша, и Соня. Мучу я вас, терзаю, срамлю, обираю, а за всю жизнь не слышал от вас ни одного упрека, не видал ни одного косоного взгляда. Добро бы, отец порядочный был, а то - тьфу! Не видали вы от меня ничего, кроме зла. Я человек нехороший, распутный..." (6, 271-272); "- Бесстыдные сплетницы! Они привыкли видеть в людях одно только дурное... Хорошее недоступно их пониманию!" (3, 356); "На этом свете хороших людей гораздо больше, чем злых" (5, 473).

АП в чеховской парадигме различаются как в экспрессивном, так и в функционально-стилистическом отношении. В паре хороший-дурной ее члены образуют оппозицию общеупотребительное//книжное. О слове дурной в СС говорится, что оно "употр. преимущ. в литературно-

¹¹ В произведениях Чехова в антонимические контакты со словом добрый выступают слова злой, недобрый, дурной, худой, лютый. АП добрый-злой по сравнению с остальными парами, образующими нерегулярные противопоставления, характеризуется наибольшей частотностью (8 раз).

-книжной речи" (2, 150), кроме того, данное слово для современного употребления представляется несколько устаревшим. В свою очередь, слова в паре хороший-худой образуют оппозицию общеупотребительное//разговорное. В СС худой сопровождается пометой "разговорное" и при описании слов в СР получает следующую характеристику: "в соврем. литературном языке употр. лишь в отдельных выражениях (не говоря худого слова, быть на худом счету), в пословицах, поговорках, в других случаях имеет просторечный характер, в прошлом это слово употреблялось более широко и стилистически более нейтрально" (2, 150).

Итак, характеризуя АП в парадигме, необходимо учитывать их стилистическую разноплановость. Эти пары различаются по сферам употребления, т.е. по их принадлежности к определенному языковому пласту, к определенному жанру речи. Если АП хороший-плохой/не-хороший являются стилистически немаркированными, т.е. лишенными стилистического признака, то пары хороший-дурной/худой характеризуются наличием данного признака. Расходятся также в функционально-стилистическом отношении остальные АП из парадигмы, хотя по данным в словарях трудно сколько-нибудь корректно определить современные нормы употребления вторых членов этих пар. Основываясь лишь на фрагментарных данных в этой области (см.: СС, СС-СП, МАС, БАС), пары хороший-гадкий/мерзкий/противный/отвратительный следует отнести, видимо, скорее к разговорному стилю речи. Сфера употребления пар хороший-злой/безобразный, как представляется, значительно шире и не ограничивается рамками данного стиля¹².

Рассмотренные признаки (экспрессивность, стилистическая маркированность) отражают специфику функционирования АП в современном русском языке. Однако, поскольку основой для выделения самих АП, составляющих парадигму, послужили художественные тексты Чехова, возникает необходимость учитывать временной, исторический фактор. Таким образом, при анализе антонимов в парадигме есть смысл обращаться к словарному материалу, отражающему нормы употребления слов, их значения в более ранний период, нежели тот, который является современным и находит отражение в МАС или БАС. Таким словарем можно считать ТСУ, в котором представлена лексика XIX - начала XX веков и материал которого используется нами в целях анализа.

В ТСУ в статье слова хороший к основному значению в качестве

¹² Следует оговориться, что вопрос о функционально-стилистических отличиях противопоставлений хороший-гадкий/мерзкий/противный/отвратительный/безобразный нуждается еще в фактическом доказательстве.

противоположного слова приводится не только плохой, но и дурной, причем второе дано первым, ср. "Обладающий положительными качествами или свойствами, вполне удовлетворительный, такой, как следует; противоп. дурной, плохой" (4, 1179). Такой порядок сохраняется и при определении других лексем. Слово мерзкий во 2-м значении определяется следующим образом: "Дурной, плохой, неприятный (разг. фам.)" - о погоде, настроении (2, 185). Ср. данное значение в I-ом издании МАС: "Разг. Очень плохой, крайне неприятный" (2, 345); в БАС оно приводится как оттенок к основному значению: "|| Простореч. Очень плохой, скверный" (6, 850). В свою очередь, слово худой в значении "плохой, скверный", которое в ТСУ дано без помет стилистического характера (4, 1197), в БАС сопровождается пометой "устар. и разг.", т.е. такое, которое выходит из употребления и свойственное преимущественно разговорной речи (17, 517). Ср. худой в указанном значении в МАС, где оно сопровождается пометой "разг." (4, 630).

Известный интерес в этом отношении представляют описания лексических единиц в СД. Например:

Худой. Неладный, негодный, дурной, плохой, нехороший; [...] (4, 568).

Дурной. Нехороший, во всех отношениях; нескладный, некрасивый, безобразный; негодный, плохой; неприятный или гадкий (1, 502).

По данным толковых словарей (особенно ТСУ) можно, следовательно, полагать, что антонимическая оппозиция хороший-дурной, перешедшая в современном языке в область литературно-художественной речи, или оппозиция хороший-худой, которая во многом устарела для современного языка, имели в прошлом более регулярный и нейтральный характер. Язык произведений Чехова достаточно показателен в этом отношении. Антонимы хороший-дурной воспроизводятся в них регулярно в разных значениях как словарных, так и речевых¹³:

1. Такой, что вполне удовлетворяет//не удовлетворяет; нехороший, скверный (о качестве, свойстве чего-либо).

"И казалось бы, что стоит ему, богатому человеку, из этой дурной дороги сделать хорошую, чтобы не мучиться так и не видеть этого отчаяния, какое написано на лицах у кучера и Семена; но он только смеется, и, по-видимому, для него все равно и лучшей жизни ему не нужно" (9, 337), "В праздники, в хорошую погоду,

¹³ Ср. значения для данной пары в САВ, с. 71 и 155.

девушки наряжались и уходили толпой к обедне, и было весело смотреть, как они в своих красных, желтых и зеленых платьях шли через луг; в дурную же погоду все сидели дома" (9, 306).

2. Характеризующийся положительными//отрицательными моральными качествами.

"Стадная сарайная жизнь с ее грубыми развлечениями, с неизбежным воздействием дурных на хороших, как это давно уже признано, действует на нравственность преступника самым растлевающим образом" (14, -93).

3. Свойственный благородным, порядочным//неблагородным, грубым людям.

"Застрелиться или убить жену из Лефосе считается теперь знаком дурного тона. Хороший тон признает только Смита и Вессон" (6, 330).

4. Чистый//нечистый в моральном отношении.

"Что вы хотите от брака? В законном и незаконном сожителстве, во всех союзах и сожителствах, хороших и дурных, - одна и та же сущность" (8, 178).

5. То, что заслуживает одобрения//порицания + то, что доставляет радость//печаль; приносит счастье//несчастье.

"Всему бывает конец, хорошему и дурному. Пришел конец и нашему Пушкинскому театру... и какой конец! Он сдан под кафе-шантан каким-то петербургским французам" (16, 42).

6. То, что радует//печалит + то, что заслуживает одобрения//порицания.

"- Ничего... - повторил он. - Твое горе с полгоря. Жизнь долгая - будет еще и хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! - сказал он и поглядел в обе стороны. - Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное" (10, 175).

Противопоставление хороший-худой представлено всего в трех контекстах, но, в отличие от иллюстраций в САВ, использование этих антонимов в языке произведений Чехова не ограничивается пословицами¹⁴, в которых они могут рассматриваться как народно-поэтические. Ср. чеховскую реализацию данной пары в значении "то, что вызывает одобрение//неодобрение":

"Все хорошее в свете не может быть без дурного, и всегда более худого, чем хорошего" /7, 291).

¹⁴ См. там же, с. 155.

В результате проделанного анализа своеобразие антонимов, используемых Чеховым, становится более очевидным. Характер противопоставлений в парадигме определяется различной степенью оценки, градацией качества по сравнению с тем, которое выражается доминантной оппозицией. Антонимические противопоставления в парадигме осложняются отношениями синонимического типа, что проявляется в степени интенсивности слов, в стилистической окраске а также в объеме значения противопоставляемых слов. В ряде случаев экспрессивная окраска антонимов совмещается с их функционально-стилистическим назначением.

Анализ убеждает в необходимости исторического подхода при изучении смысловых и стилистических различий антонимов в парадигме. Данный подход создает возможность более объективной интерпретации специфики, отличительных особенностей антонимов в структуре парадигмы.

Круг антонимов в парадигме с их экспрессивной насыщенностью, безусловно, индивидуализирует художественную речь Чехова. Однако для того, чтобы сделать более обстоятельные выводы о творческих аспектах языка писателя, необходим специальный анализ с привлечением соответствующих данных языка других художников слова.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ СЛОВАРЕЙ

- БАС - Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т., Москва-Ленинград 1950-1965.
- МАС - Словарь русского языка в 4-х т., изд. второе испр. и доп. глав. ред. А. П. Евгеньева, Москва 1981-1984 (изд. первое Москва 1957-1961).
- САВ - Л. А. Введенская, Словарь антонимов русского языка, изд. второе испр. и доп., Ростов н/Д. 1982 (изд. первое Ростов н/Д. 1971).
- САК - Н. П. Колесников, Словарь антонимов русского языка, ред. Н. М. Шанский, Тбилиси 1972.
- САЛ - М. Р. Львов, Словарь антонимов русского языка, ред. Л. А. Новиков, Москва 1978.
- СД - В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т., изд. седьмое, Москва 1978-1980.
- СС - Словарь синонимов русского языка в 2-х т., глав. ред. А. П. Евгеньева, Ленинград 1970-1971.
- СС-СП - Словарь синонимов. Справочное пособие, Ленинград 1975.

ТСУ - Толковый словарь русского языка в 4-х т., ред. Д. Н. Ушаков, Москва 1935-1940.

Институт русской филологии
Лодзинский университет

Jarosław Wierzbński

СПЕЦИФИКА ПАРАДЫГМАТУ Z DOMINANTĄ CHOROSZYJ-PŁOCHOJ

(na materiale utworów A. Czechowa
i opracowań leksykograficznych języka rosyjskiego)

W niniejszej pracy autor porusza zagadnienie antonimii w języku Czechowa w obrębie paradygmatu z dominantą *choroszyj-płochoj*, wokół której ogniskują się opozycje *choroszyj-durnoj/chudoj/niechoroszyj/biezobraznyj/gadkiy/protiwnyj/mierzkij/złoj/rasputnyj*.

Tak zestrojone w tematyczną całość opozycje antonimiczne zostały poddane analizie w celu wyodrębnienia ich właściwości semantycznych i funkcjonalnych. Rozwiązania tego problemu szukano głównie w materiale leksykograficznym współczesnego języka rosyjskiego, do czego wykorzystano dane zawarte w słownikach antonimicznych, synonimicznych i objaśniających. W wyniku porównań artykułów hasłowych wskazuje się na status poszczególnych antonimów pod względem ich ekspresyjności, czy też nacechowania stylistycznego.

Jednocześnie autor podejmuje próbę spojrzenia na antonimiczne realizacje Czechowa w aspekcie historyczno-czasowym. Analiza taka w znacznej mierze pozwala wyciągnąć wnioski o strukturze semantycznej i wartości stylistycznej antonimów w ubiegłym stuleciu. Pod względem wykorzystania antonimów przez pisarza interesujące są relacje ilościowe świadczące np. o regularnym i równoczesnym użyciu takich opozycji, jak *choroszyj-płochoj* i *choroszyj-chudoj*.